

УДК 340.12(575.2)(04)

ИДЕЯ СВОБОДЫ СЛОВА В ФИЛОСОФСКОЙ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ

Т. Конокбаев

Прослеживается развитие идеи свободы слова – одного из фундаментальных прав человека. Источником утверждения важности этой общественной ценности послужили труды выдающихся мыслителей прошлого Дж. Мильтона, Томаса Гоббса, Джона Милля и др.

Ключевые слова: право; личность; свобода; слово; цензура; печать; правда; знание; власть; воля.

Понятие свободы имело множество трактовок и употреблялось во множестве значений. Это свобода вероисповедания, свобода слова, свобода объединений и участие в политической деятельности, и т.д.

Истоки свободы обычно ищут в древнегреческих городах-государствах и Римской республике. Однако свобода в этих государствах сочеталась с имперской завоевательной политикой. Свобода своего собственного государства отнюдь не исключала отрицания свободы других государств. Понятие свободы включало в себя также свободу от деспотической власти – такой, какую имел хозяин над своим рабом. Сопоставление с деспотической властью важно для понимания античных представлений о свободе, согласно которым свобода прежде всего определялась статусом человека: свободный человек и – как противоположность ему – раб. Состояние свободы предполагало для человека целый ряд возможностей, в частности, возможность владеть рабами. Быть свободным означало возможность – и даже обязанность – участвовать в политической жизни.

Выраженный политический аспект концепции свободы в античном мире резко контрастирует с современным взглядами, делающими упор на свободу личности от политического контроля и вмешательства. Для грека свобода представлялась вполне совместимой с властью общества над личностью, если это власть, осуществляемая в соответствии с законом, а не по воле деспота. Смысл свободы усматривался в первую очередь в ее полезности для общества, а не в значении ее для личности.

О том, что свобода слова была важным моментом афинской демократии, говорил Геродот,

считавший, что равное право слова есть главный элемент равенства всех граждан перед законом и что это равенство составляет сущность демократического режима. Платон, являвшийся противником индивидуалистического общественного устройства, тем не менее признавал, что Афины являются городом, в котором свобода слова большая, чем во всей Греции, и что Афины можно назвать городом “влюбленным в слово” или городом “многословным”¹.

Известно также, что в Афинах преследовали многих философов. Самыми знаменитыми жертвами таких судебных процессов были Анаксагор, Протагор, Сократ, Аристотель и др. Однако эти преследования были связаны со своеобразием греческой религии, игравшей важную роль в жизни греческого общества. При этом люди наказывались не за атеистические воззрения, а за их пропаганду. Атеисты, подвергавшиеся гонениям, являлись, как сказали бы позднее, “воинствующими атеистами”. Другие неверующие не подвергались гонениям, так что можно сказать, что в Афинах существовала не только свобода слова, ограниченная в определенных деталях, но и известная свобода совести².

Древняя Греция и Древний Рим известны большим количеством ораторов, к которым можно отнести Демосфена, Горгия, Цицерона, Гортензия и других. Их появление было связано с возникновением “публики”, требующей обсуждения вопросов управления, осуществления власти и общественных интересов. В греческом

¹ Платон. Горгий, 461 е; Законы, 1641 с.

² Ивин А. Философия истории // Индивидуалистское (открытое) общество. – М., 1999. – С 274.

пантеоне богов была даже богиня красноречия Пейто, а в римском – Молва, которую можно назвать богиней информации. Молва имела сто глаз и сто ушей, она никогда не спала, все видела и разглашала как правду, так и ложь.

Идея свободы слова актуализировалась с распадом рабовладельческого общества и ростом противостояния римской тирании. Важную роль в этом процессе сыграла христианская церковь, боровшаяся за справедливость, а также выступавшая с лозунгами защиты христианских идей от их ложного толкования. Впервые появился список книг, запрещенных церковью, неверно излагавших учение Христа. Это положило начало возникновению цензуры. Христианство стало претендовать на титул господствующей религии. Античное многообразие богов и плюрализм суждений сменились христианской идеологией, поддерживаемой монархической властью.

В Европе в период образования абсолютных монархий (Англия, Испания, Франция) цензура в руках священнослужителей превратилась в средство гонения на инакомыслящих¹. Ярким его проявлением стала инквизиция, которая достигла наивысшего расцвета в Испании в XV в. Папа Сикст IV в 1442 г. учредил должность великого инквизитора, назначив на эту должность монаха Томаса де Торквемаду, известного своей беспредельной жестокостью. Был утвержден список запрещенных книг. За их хранение и чтение, устанавливалась смертная казнь. За годы своего инквизиторства Торквемада сжег 11272 чел. живьем, 7636 чел. – после смерти. В 1490 г. на университетской площади в Саламанке им были сожжены за один день шесть тысяч книг. Инквизиция задушила свободомыслие в Испании, отодвинув страну на столетия назад.

Начало эпохи Возрождения связано с движением за права человека, в частности, за право иметь собственное мнение и распространять любые сведения, не опасаясь преследований. Выступления против инквизиции, католического авторитаризма, борьба с монархическими устоями, обсуждение вопросов о принадлежности и правомочности власти привели к ужесточению церковной и появлению светской цензуры. Итогом борьбы населения с монархическими порядками явилась английская революция, которая породила такие произведения, как “Ареопагитика” Дж. Мильтона, “Добрый самаритянин” Уолвина и др.

¹ Энциклопедия: Всемирная история. – 4-изд. / Глав. ред. М. Аксенова. – М., 1997. – С. 274.

В своей знаменитой речи к английскому парламенту, утвердившего этот нелепый закон, Джон Мильтон открыто и в очень смелой форме заявил о том, что цензура не может помешать распространению правды. Именно его богатые фактографические претензии, почерпнутые из истории человечества предыдущих эпох и твердо обоснованные аргументации, связанные с общественными перипетиями своего времени, легли в основу специфического формирования одного из общественных ценностей современности, каковым является право на свободу слова.

Считаем уместным привести некоторые тезисы из этого литературного источника, по праву считающегося основополагающим правотворческим детерминантом свободы слова:

“...ибо книги – не мертвые совершенно вещи, а существа, содержащие в себе семена жизни, столь же деятельные, как та душа, порождением которой они являются;

...знание не может развращать, а следовательно – и книги, если воля и совесть не развращены;

...если познание и зрелище порока в этом мире столь необходимы для человеческой добродетели, а раскрытие заблуждений – для утверждения истины, то каким другим способом можно вернее и безопаснее проникнуть в область греха и лжи, как не при помощи чтения всякого рода трактатов и выслушивания всевозможных доводов? В этом и состоит польза чтения разнообразных книг;

...где много желающих учиться, там по необходимости много спорят, много пишут, высказывают много мнений, ибо мнение у хорошего человека есть знание в процессе образования. Из фантастического страха перед сектами и ересями мы поступаем несправедливо с пламенной и искренней жаждой знания и разума,

...свобода – вот кормилица всех великих талантов: она, подобно наитию свыше, очистила и просветила наши души; она сняла оковы с нашего разума, расширила его и высоко подняла над самим собой. Вы не можете сделать нас теперь менее способными, менее знающими, менее ревностными в искании истины, если вы сами, кому мы всем этим обязаны, не станете меньше любить и насаждать истинную свободу.

...что же касается вопроса о регулировании печати, то пусть никто не думает, будто ему может достаться честь посоветовать вам в этом отношении что-нибудь лучшее, чем вы сами сделали в своем недавнем постановлении, согласно которому “ни одна книга не может

быть напечатана иначе, как если будут зарегистрированы имена автора и издателя или, по крайней мере, одного издателя". А для сочинений, появляющихся иным путем, если они будут найдены зловредными или клеветническими, огонь и палач будут наиболее своевременным и действительным средством человеческого предупреждения.

...как хорошие, так и дурные правители одинаково могут ошибаться; ибо какая власть не может быть ложно осведомлена, в особенности, если свобода печати предоставлена немногим".

По мнению великого мыслителя, борьба при помощи цензуры со злом, которое может произойти от свободного обращения дурных книг либо статей, не принесет никакого результата, ведь добро и зло растут в этом мире вместе, и отличить их бывает трудно. Поэтому закон о цензуре можно отнести к тем законам, которые "стремятся наложить ограничения на то, что, не поддаваясь точному учету, тем не менее, может способствовать как добру, так и злу". Мильтон опасался, что в случае введения цензуры место цензоров займут "люди невежественные, властные и нерадивые или явно корыстолюбивые", которые будут "выедать" из книги все то, что не соответствует их невежественному пониманию. Более того: анализируя последствия цензуры, установленной в Италии и Испании инквизицией, Мильтон справедливо замечает, что тамошние народы, потеряв свободу слова, не сделались "лучше, честнее, мудрее и целомудреннее".

В Англии закон о цензуре был отменен парламентом лишь 50 лет спустя, в 1689 г., в 9-м пункте "Билля о правах". Согласно этому пункту, публикация материалов не может подать повода к преследованию или рассматриваться в каком-нибудь ином месте, кроме парламента.

Фундаментальное значение свободы и справедливости для человеческого бытия и круг возникающих в этой связи проблем постоянно находились в центре внимания на протяжении всей истории европейской философско-правовой мысли.

"Нет слова, которое получило бы столько разнообразных значений и производило бы столь различное впечатление на умы, как слово "свобода", – писал Ш.Л. Монтескье в известном трактате "О духе законов"¹. Монтескье утверж-

¹ Шарль Монтескье. О духе законов. Избранные произведения. – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 288–289.

дал, что политическая свобода предполагает свободу идей и их выражения и что свобода зависит от того, сдерживается и контролируется ли политическая власть. Он обличал деспотизм, которому противопоставлял "монархию". Идеи Монтескье оказали огромное влияние на развитие конституционного либерализма.

Другой теоретик в сфере политики Томас Гоббс утверждает, что "...свободный человек – тот, кому ничто не препятствует делать желаемое, поскольку он по своим физическим и умственным способностям в состоянии это сделать. ...Точно так же когда мы свободно говорим, то это свобода не голоса или произношения, а человека, которого никакой закон не обязывает говорить иначе, чем он говорит. Наконец, из употребления слов свобода воли можно делать заключение не о свободе воли, желания или склонности, а лишь о свободе человека, которая состоит в том, что он не встречает препятствий к совершению того, к чему его влекут его воля, желание или склонность"².

Хотя по своим политическим воззрениям Гоббс был сторонником безраздельной государственной власти, он признавал право индивида на защиту себя как личности даже от своего владыки. Гоббс развивает свою концепцию свободы в разных аспектах, говоря о свободе выбора образа действий, свободе от обязательств, отсутствия принуждения и внешних препон.

"Нет более эффективного средства для достижения данной цели, чем свобода печати, благодаря которой все знания, ум и гений нации могут быть использованы на стороне свободы и каждого можно поднять на ее защиту", – утверждает шотландский философ и историк Давид Юм в своем "Эссе о морали и политике". "Поэтому, до тех пор, пока республиканская часть нашей системы правления может противостоять монархической, она, естественно, будет заботиться о том, как сохранить свободу печати как имеющую большое значение для своего собственного сохранения. Однако необходимо признать, хотя трудно и почти невозможно предположить какое-либо подходящее средство для исправления положения, что неограниченная свобода печати является одним из зол, сопутствующих нашим смешанным формам правления. Справедливо, что люди всегда более склонны верить

² Томас Гоббс. Левиафан, или материя, форма и власть государства, церковного и гражданского. Избр. Соч.. Т.2. – М.: Мысль, 1964. – С. 231–234 (Ч.II, гл. XXI).

тому, что говорится в ущерб их правителям, а не обратному; но эта склонность неотделима от них, пользуются они свободой или нет. Слух может распространиться так же быстро и быть таким же вредным, как и памфлет. Однако он будет более вредным там, где люди не привыкли свободно думать и отличать правду от лжи¹.

Осветив причины столь большой свободы печати, которая существовала в Англии XVIII в., Юм обсуждает плюсы и минусы этой свободы.

Как писал английский мыслитель Дж. Милль, «особое зло подавления мнений в том, что обездоливается все человечество, и те, кто против данной мысли, еще больше, чем ее сторонники. Если мысль верна, они лишены возможности заменить ложь истиной; если неверна, теряют... ясный облик и живое впечатление истины, оттененной ложью... Полная свобода выражений – необходимое условие, чтобы оправдать претензии на истину»².

Милль относит личную свободу, чувство собственного достоинства, честность и социальное благополучие к числу центральных и важнейших ценностей. Когда он защищает свободу слова, свободу печати и т.д., то делает это потому, что рассматривает их как желательные для общества качества. Эти либеральные ценности являются также важными для рациональности и поиска истины: свободные публичные дебаты без всяких внутренних и внешних препятствий являются условием для выработки нами разумных точек зрения. (Таким образом, свобода «полезна», поскольку она делает возможным для нас установление истины!).

Однако согласно Миллю, общественное мнение является двусмысленным. С одной стороны, оно может подавлять и ограничивать точки зрения, которые выражают более слабые группы. В то же время Милль считает, что общественное мнение может формироваться и улучшаться в ходе продолжающегося свободного обсуждения, в котором участвуют разумные индивиды. С другой стороны, в той мере, в какой публичная дискуссия является открытой и свободной, она может привести к исправлению предрассудков и ошибок. Однако, хотя такая дискуссия и может служить для исправления предрассудков и ошибок, она не ведет нас в направлении единственной истины. Свободное обсуждение по крайней

мере позволяет более ясно выразить различные перспективы и точки зрения как для их сторонников, так и для противников.

Только тогда, когда точку зрения опровергают и защищают, становится ясным, в чем она собственно заключается. Это означает, что мы не знаем в действительности того, о чем думаем, до тех пор, пока не изучили контраргументы. Для того чтобы истина предстала перед нами максимально ясно, чтобы каждый из нас приобрел наилучшее из возможных понимание того, о чем он действительно мыслит, сознавая при этом максимально четко и беспристрастно, что думает оппонент, для всего этого необходимо гарантировать свободные публичные дебаты. Свобода слова и свобода самовыражения являются необходимыми условиями гарантии открытого обсуждения. Можно сказать, что либеральность – это условие рациональности.

Либерализм раскрыл этическую сторону свободы слова, которая на эмоциональном уровне стала доминировать над изложенным выше утилитарным взглядом. Здесь на первый план выступают человеческое достоинство и объективные потребности (естественные права), данные человеку от рождения. Эта концепция имеет христианские корни, и ее ранние популяризаторы (начиная с Гуго Гроция) часто ссылались на цитату из Библии: «И сотворил Бог человека по образу Своему» (Быт. 1:27). Однако позже она была переформулирована Кантом в терминах светской теории, что принципы человеческого общества имеют фундаментальную естественную природу. Такой подход означает, что допустимы только такие ограничения на свободу слова, которые носят вынужденный и нравственно оправданный характер.

Свободное выражение мыслей и мнений есть одно из драгоценнейших прав человека; каждый гражданин поэтому может свободно высказываться, писать, печатать, отвечая лишь за злоупотребление этой свободой в случаях, предусмотренных законом.

Интересны рассуждения по этому поводу еще одного мыслителя. «...Нет необходимости доказывать, что в реализации этих прав (свободы слова и свободы печати) следует соблюдать умеренность и сдержанность, а беспредельность их есть конец истинной свободы», – пишет Лев XIII (Джоакино Печчи) в своем труде «О гражданских свободах». «Ибо право – это нравственная сила, которая по самой природе не может быть независимой от понятий правды и лжи, справедливости и несправедливости. ...При беспредельной

¹ Давид Юм. О свободе печати. Сочинения. Т.2. – М.: Мысль, 1965. – С. 574, 887.

² Джон Стюарт Милль. О свободе // Наука и жизнь. – 1993. №11.

и всеобщей свободе печати не останется ничего святого и неоскверненного, не пощадят даже самых высоких и честных устремлений, всего самого лучшего, накопленного человечеством. ... Однако во всех делах и вопросах, которые Господь предоставил свободному обсуждению людей, каждый имеет право на полную свободу мысли и слова, поскольку такая свобода никогда не ведет в попрание истины, а часто напротив – к постижению и распространению ее”¹.

При этом Лев XIII подчеркивал отличие “законной и честной свободы” от “вседозволенности”. Утверждая высшее, божественное происхождение власти, он вместе с тем признавал демократическое правление, рабочее и профсоюзное движение.

Таким образом, идея приоритета личной свободы перед свободой общества существовала и в античности, ее выражали киники, отстаивавшие самодостаточность личности и презиравшие общественную жизнь. Гораздо более резкое разграничение между политикой и личной свободой совершило христианство. В христианской идеологии свобода, как подчеркивал св. Августин, – это свобода воли. Такое понимание свободы было крайне важным – оно связывало свободу с отдельной личностью, точнее даже с ее духом. Но это была ограниченная свобода. Ибо, хотя в последующем представление о свободе духа стало еще более полным, для многих христиан оно вполне уживалось с несвободой физической. Душа может быть свободной, даже когда тело заковано в цепи. Свобода души и равенство перед Господом идут рука об руку с необходимостью политической власти над грешными людьми.

Господство христианской идеологии в средневековой Европе не исключало, однако, развития более разнообразных, неоднозначных, порожденных самой жизнью концепций свободы. Упомянем свободы, которые гарантировали своим подданным английские монархи в коронационной присяге. Это были привилегии и льготы для церкви, крупных феодалов, позже – для городских общин.

¹ *Claudia Carlen Ihm (ed.). The Papal Encyclicals 1878–1903. – New York, Pierian Press, 1990. – P.173–174, 176.*

Однако лишь в XVI–XVII вв. сформировалась та идея, что свободой должны обладать все граждане в равной мере. Распространение идей свободы шло параллельно с развитием государств и было отчасти реакцией на централизацию власти. Оно также было связано с новой трактовкой понятия прав, завоевавшей умы политиков и философов. Ярko демонстрирует эту взаимосвязь американская Декларация независимости, провозгласившая, что “все люди сотворены равными и все они одарены своим Создателем некоторыми неотчуждаемыми правами”, в числе которых названа свобода.

Взаимосвязь государства и свободы стала одной из главных дилемм современной концепции свободы и независимости. С одной стороны, государство представляет собой угрозу свободе: именно против действий государства обычно выступают защитники гражданских свобод. С другой стороны, государство также является и гарантом свобод. Нам нет необходимости проводить четкую грань между свободой от чего-то (“негативная свобода”) и свободой, позволяющей что-то (“позитивная свобода”) и считать, что мы нуждаемся в поддержке государства для тех или иных действий. Смысл существования государства можно увидеть на примере свободы слова. Свобода слова фигурирует практически в любом перечне современных свобод и занимает в них одно из первых мест. Вместе с тем, во многих современных обществах свобода слова ограничивается для того, чтобы предотвратить злобные нападки на расовые меньшинства.

Такова картина развития свободы слова в беглом экскурсе философской и политико-правовой мысли прошлого. Дальнейшим этапом углубления этого фундаментального права человека – стала вторая половина XX в. Признание Всеобщей декларации прав человека, Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, Международного пакта о гражданских и политических правах, Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах и ряда других важнейших международно-правовых актов явилось неоспоримым вкладом в развитие цивилизации и культуры современного человечества.